ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
“ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”
НАШ САЙТ: denlit.ru
ЭЛЕКТРОННЫЙ АДРЕС:
denlitera@yandex.ru

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
“ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”
№ 1(255) – 2018

Рассказ

Коля из деревни Зуево

Алексей ЛИСНЯК

Коля из деревни Зуево это настоящий богатырь. Плотный – кровь с молоком, и кулачищи – во! Плечи широченные, а душа ещё шире. Коля добрый, как медведь из детской сказки: чеши его против шерсти, тяни его за уши, хоть запряги его – всё стерпит медведь с улыбкой. Но зато, если унюхает кому несправедливость, или ещё хуже – кощунство, тут уж лучше сразу улепётывай.

Вот, когда ещё Коля ходил в парнях, деревенские повадились на дискотеку в район. На чужом пиру, известно, пришлым иногда не везёт – прилетает. Ребятки и брали с собой Колю "на счастье". Он войдёт с ними, станет в уголке, топчется. Местные видят с кем Коля и деревенских не задирают. А Коля ждёт, пока парни надрыгаются с девками под "Руки вверх", охраняет. Потом вместе возвращаются шумной кривоватой компанией.

Вот идут они как-то раз подогретые, весёлые. Перед их деревней на дороге ржавый знак "Зуево". Обладая остроумием никак этот знак не миновать. Остряк в компании есть - это Эдик. И как он раньше-то всегда мимо проходил?! А тут… "Зуево"… Замазал Эдик первую букву грязью, и пальцем по грязи вывел изящный икс. Ржали все, дружно. И Коля тоже сначала ржал. А когда сообразил, что это над его родной деревней совершилась такая несправедливость, кощунство… Ох… Эдик не успел ни испугаться, ни вякнуть, летел с насыпи в канаву – кусты трещали. Пацаны на Колю вылупились, мол, ты чего? А он в землю уставился: "А чего он!..". Эдика из канавы достали, и Коля сам же помогал ему выдирать репьи из кудрей и грязь снимать со знака.

Время идёт, Коля взрослеет. Отслужил срочную, вернулся к отцу с матерью. Тут колхоз развалился… Коля стал наниматься общественным пастухом и привык к этой должности, как будто для неё родился. А чего ему: на лошадёнку всем миром скинулись, он и рад.

Собирает Коля на зорьке коров со всех улиц на своей клячонке – кажется, вот-вот надорвётся под ним бедная лошадь, сдохнет. Пригонит стадо на луг, кляча отдышаться не может, язык высунула, а он дремлет в теньке под вязом. Чем не жизнь! Лежит Коля радуется, кулак под голову, гоняет в зубах травинку. Всё лето – праздник! Всю зиму отпуск.

Годы потихоньку идут…

Пора бы Коле жениться, а он стеснительный. Да и нет в Зуево нормальных невест. Нормальные разъехались.

Но зато пришёл час, дождалась Зуевская заброшенная церквушка себе настоятеля. Прислали батюшку старенького, лысого, совсем постного. Однако весьма бодрого. Батюшка сразу деревню обошёл, со всеми перезнакомился. Коля ему очень понравился. И как так получилось, что Коля к батюшке тоже сразу привязался. Душа запросила, что ли? Сроду ведь он до своих тридцати трёх попов не видал. А батюшка и рад – помощник ему, кадило подавать. И стал Коля алтарником. Пошили Коле стихарь-дирижабль…

Вот идут они на малый вход: бабульки чуть слышно попискивают с клироса, алтарник со свечой боком еле-еле просовывается во вратницу – вот, гляди, дверной проём лопнет, разойдётся – ступает, половицы под ним гнутся, а следом маленькой бесплотной тенью отец-настоятель. И голосок его такой:

– Прему-удрость, про-ости! – искушение, прости Господи!

Ну как тут молиться?

Вскоре затеял батюшка в храме ремонт, и началась у Коли хлопотливая пора. Успевает и со стадом, и в церкви. Что-то грузит, что-то месит, что-то пилит всё лето. А ближе к осени послал где-то Бог настоятелю средства и тот заказал комплект колоколов.

Вот привозит машина заказ, манипулятором всё сгружает. Собрались возле церкви люди, глядят: пять колокольчиков – так и сияют, новые. Главный, наверное, под центнер, остальные поменьше. Солнце на них поигрывает. Зуевские о таком и не мечтали, радуются. Батюшка к народу повернулся: надо, мол, кран нанимать, поднимать их на колокольню. А тут Коля: зачем кран, я сам подниму и сам повешу. Никто не удивился. Немного, конечно, посомневались для порядка, но на том и порешили. Назначили дату, пригласили благочинного, фотографа из районки, начальство…

В назначенный день собралось всё село, все три сотни. Благочинный в шёлковой рясе, сельсоветский глава на УАЗике, участковый. Коля – при своей вечной телогрейке. Отслужили молебен, погундели речи и началось. Четверо мужиков подняли большой колокол, Коля под него головой подлез, принял на плечи. Благочинный открыл рот:

– Вот это ж бывает такой медведь!

Фотограф забегал вокруг, щёлкает.

Коля качнулся и двинулся к трапу – колоколенка невысокая, трап положили от пожарной машины, длинный, не шибко крутой. Мужики засуетились вокруг медведя, под ногами путаются, как будто помогают. Вот Коля шагнул на трап, тут помощники отстали, пошло легче. Трап прогнулся, заскрипел. Народ примолк, батюшка крестится. Коля шагнёт – приставит ногу, ещё шагнёт – постоит. Видно и такому богатырю тоже не всё просто. А на полпути, сам потом говорил, даже испугался. Духу, говорит, вовсе не осталось, назад нельзя, вперёд не могу. Не бросать же. Стал про себя молиться и как-то, сам не заметил, добрался до верха. Тут сразу и мужики за ним по трапу бросились колокол принимать, крепить. Следом и фотограф. Коля на цыпочки привстал, поднял колокол к хомутам, мужики сунулись было вставлять клинья – глядь, а клиньев-то и нет. Заорали вниз в народ, чтоб там на земле поискали. Слава Богу, быстро нашли их, возле молебного столика валялись. А Коля всё держит. Клинья принесли, опять Коля на носки приподымается, мужики давай клиньями в ушки целить, а тут фотограф: "Дай-ка с этого боку щёлкну. Да погоди, вот теперь отсюда зайду". Коля на него даже заругался. Потом спохватился, что Божье дело совершает, и позволил щёлкать этому ироду, сколько влезет. Ну, с Божьей помощью всё прошло хорошо. Колю потом долго в народе хвалили. После и газета пришла, фотографию разглядывали: впереди благочинный – шёлк переливается, с ним – глава, сбоку участковый цветёт, где-то вдалеке батюшкина бородка отсвечивает. А позади всех, почти не видно – мужик с колоколом вместо башки…

С новой звонницей Зуево будто ожило. Вроде всё по-прежнему: ни работы, ни дорог, ни фельдшера, ни газа, а только слышишь, как утром колоколенка поёт, и на душе праздник – самое что ни есть Светлое Воскресение. Местные ребятишки намостырились хорошо звонить. Батюшка сам с ними лазил, обучал…

Как-то на зорьке Коля гнал своё стадо, посвистывал. Вдалеке, в пойме – видно – туман. И зябко пастуху туда глядеть и радостно. Давит свою клячонку, улыбается. Стало стадо дорогу переваливать и немного замешкалось – взросло что-то вкусное по неезженым обочинам. Коровки пасутся, Коля на кляче, как Санчо Панса на ишаке, сидит. И сроду в это время никого по дороге не носило, а тут сразу целый Лексус. Розовый и номера столичные, гудит:

– Эй, деревня, коров убери!

Коля стал просить, чтоб не гудели, коровы пугаются. А те светом моргают и ещё шибче. Коля извиняться, мол, мы сейчас, мы скоро. Ну, замешкались чуток, это же животина, глупая. А те опять на Колю, мол, это ты животина: козёл ты и коровы твои – козлы. Коля давай их упрашивать, мол, если уж совсем спешите, так на вашем джипе можно ведь и сторонкой вот тут вот запросто объехать. А Лексус ни в какую, дай ему дорогу и всё. Тут, как на грех, в деревне колоколенка запела. Коля картуз долой, как был на лошади, так и давай креститься на деревню. А эти в машине увидали и совсем разозлились:

– Козёл, – говорят, – ты. Но не простой козёл, а православный! И церковь твоя…

Ну… Зря они так. Ох… Коля покосился на них, перекрестился последний разок, картуз натянул. Поравнялся с розовой машиной, к самому окошку подъехал, откуда лаялись. Немного на лошади склонился, будто хотел в окошко заглянуть…

Хорошо, что водитель отстранился. Медвежий кулачище летел полукругом, снизу. Если б челюсть поддел или ухо зацепил, то грех был бы великий. А так изнутри шарахнул в крышу, как раз над водителевой головой, и ладно. Тогда уж джип гудеть перестал и объехать согласился, как Коля и просил в самом начале. И всё благополучно, миром и добром.

Наверное, до сих пор торкается где-нибудь в столичных пробках красивый розовый джип с огромной шишкой на темечке…

Лето – самая пастушья страда. Это только со стороны так, будто ему – пастуху – не бей лежачего. А кто пробовал сам, тот знает, каково оно: ты их для начала попробуй собери в кучу, попробуй перегони куда-нибудь, если конечно получится собрать. Тогда уж и рассуждай. А если пастух со слабинкой, они это чуют. Шалят, как всё равно сговорились. Лезут, глупые, во все стороны. А Колю коровки слушаются, как своего. Он только подумает, поднимется им сказать, а они уже угадали и идут, куда полагается. И народ доволен, что не надо больше всем по очереди пасти.

В церкви совсем сделалось уютно. Всё оштукатурено, побелено, печку к зиме переложили, дров запасли.

Но вот, совсем гладко-то всё не бывает…

Как-то смотрел Колин отец перед сном новости. Коля мимо проходил и тоже уставился в ящик. А там… Ох… Увидал Коля, где-то батюшку обижают. Одного обижают, а другого убивают. Задышал Коля как-то нехорошо, глядит. Отец на Колю косится, уже что-то чует. А в телевизоре теперь школу бомбят. Коля не моргнёт, уставился, а там стали церковь обстреливать. Ох… Зря они так. Поиграл Коля желваками, пошёл к соседу, постучал. Сказал ему, чтоб он стадо принимал, отвёл ему свою клячу. Вернулся в хату, собрал рюкзачок, сунул в штаны паспорт с военником. Мать спросила, мол, ты куда? Коля на телевизор кивнул: "Туда". И на заре уехал.

Плохо стало без Коли, пусто. Коровы с утра мычали, ни в какую не слушались нового пастуха. Тот даже матерился.

Да и не одним только коровкам худо: как-то батюшка сам уголь в кадило сыпал, неуклюже сыпал, отвык, подрясник прожёг. Всё что-то из рук валится.

А ещё потом было, один Зуевский мужик как-то поехал в район картошки продать, вернулся без картошки и без денег, и в глаз получил. Говорил: "Был бы здесь Коля, шиш бы они мне".

И так-то всё кругом провисло, ослабло…

Но зато потом Колю увидели! Увидели в новостях. Со спины, правда. Подхватил медведь одной ручищей раненого, бежит, свободной лапой пятерых зелёных раскидал. Пули свистят – его не берут! Мины воют, земля дыбится, страшно. Увидал на бегу – ещё один свой сковырнулся, и того подобрал. Живёт силушка, других из-под смерти уносит!

Ну, и кто же это ещё, как не Коля?

Батюшка среди недели затеял по этому случаю обедню о здравии, Колю поминать. Колокольня разливалась! Обрадовались все, что Коля нашёлся, только об этом потом и разговаривали.

Больше всех, конечно, этой новости радовался пастух: совсем ведь пастуха ни одна скотина не слушает, измучился. Говорил: "Раз Коля там объявился, значит, всё у них теперь наладится. Будем ждать".

И то правда, скорее бы уже наладилось, скорее бы уже возвращался Коля – скорее бы Зуевским коровкам облегчение…

Из цикла "Рождественские сказки"

Сказка про сову

Елена РОДЧЕНКОВА

Жила-была Сова. Она была большая, красивая, сильная, но никто в лесу не хотел с ней дружить, не звал ее вместе полетать, вместе повеселиться. И потому была Сова – без имени, и потому была она всегда одна. Неизвестно, почему никто не дружил с ней. То ли вид у неё был слишком сердитый, то ли голос пугал – ухала она страшно, громко на весь лес. Все маленькие звери и птицы боялись её. А крупных зверей и птиц Сова и сама боялась.

И вот однажды стало Сове очень скучно. И так она затосковала, что разобиделась на весь свет. Подлетела к муравейнику. Видит, муравьи все вместе радостно хлопочут в своём огромном доме, суетятся, общие дела делают. Рассердилась Сова и сильными своими лапами с когтями муравейник растоптала, муравьёв по сторонам раскидала, крыльями размела. И дальше полетела.

Села на ветку, смотрит, как муравьи сосновые иголки со всех сторон бегом тащат, снова муравейник строят.

Ещё пуще рассердилась Сова, полетела дальше. Видит, высоко на дереве – осиное гнездо, в нём осы. По одной из гнезда вылетают, по одной влетают, а что в гнезде – известно – мёд. И шумит гнездо так, будто там праздник в разгаре. Рассердилась Сова за то, что осам весело, а ей скучно, сильными крыльями своими гнездо с ветки сбила и на землю скинула. Гнездо упало, разломилось пополам, мёд потёк в разные стороны, а осиный рой вылетел и жужжит-жужжит в ужасе, горюет над разбитым домом.

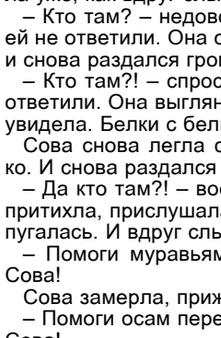
Довольная Сова взлетела на соседнее дерево, сидит, наблюдает и посмеивается. Но видит вдруг: осы одна за другой на старое место принялись носить паутинки в лапках и на глазах клеить новое гнездо.

Ещё пуще рассердилась Сова, взмахнула крыльями, полетела дальше. Села на высокую елку, сидит, злится. Аж задыхается от злости! Видит – дупло. Из дупла белочка выглядывает, рыжая, красивая, улыбается счастливо. А за её спиной – три бельчонка.

– Уфф! – крикнула Сова прямо в дупло. – Уффф!

Белки – раз! – и исчезли.

– Уффф! – крикнула Сова прямо в дупло. Но из дупла никто не вышел. Тогда она вытащила оттуда лапой маленького, дрожащего от страха бельчонка и отшвырнула его в сторону. Бельчонок кубарем скатился по еловым пушистым лапам на землю и тихо запищал от боли. Тогда из дупла выскочила мама Белка, а за ней следом – еще два бельчонка, и помчались они, легко прыгая с ветки на ветку, – вниз, к земле, где плакал бельчонок.



А Сова сердито забралась в дупло, легла в тёплое, мягкое гнездышко и решила остаться там жить. Задремала уже, как вдруг слышит, стучится кто-то.

– Кто там? – недовольно спросила Сова, но ей не ответили. Она снова легла и задремала, и снова раздался громкий стук.

– Кто там?! – спросила Сова, и ей снова не ответили. Она выглянула из дупла и никого не увидела. Белки с бельчатами внизу не было.

Сова снова легла спать в уютное гнездышко. И снова раздался громкий стук.

– Да кто там?! – воскликнула Сова. А потом притихла, прислушалась, впервые в жизни испугалась. И вдруг слышит:

– Помоги муравьям построить муравейник, Сова!

Сова замерла, прижала уши, не дышит...

– Помоги осам перенести мёд в новый улей, Сова!

Сова похолодела, клюв раскрыла, глаза вытаращила, спросить что-то хочет, а язык едва шевелится, пролепетала:

– А кто это?

И снова:

– Тук-тук! Верни дупло Белке, Сова. У неё три бельчонка, они замерзают в снегу и к утру замёрзнут.

Сова молчит, а голос снова – "Тук-тук!".

– Кто там? – прошептала Сова обречённо.

– Уходи, Сова из дупла, пусти бельчат назад, ты их обидела.

Сова собралась с силами и громко спросила:

– А кто это говорит? А?

– Тук-тук, тук-тук, это я, твоё сердце, Сова. И мне за тебя очень стыдно...

Волчья кровь

Дмитрий ЕРМАКОВ

Дикий сад

Рассказы

– Опять завыл… Точно, он, не ошибёшься… Но не может ведь этого быть… Не может, не может…

Лунный свет пробивается в неплотно задёрнутое окно, холодный, ночной, он леденит душу, как волчий вой. И силы нет встать и задёрнуть тряпичную занавеску…

А может, и не было никакого воя? От одиночества что угодно может почудиться… Нет, одиночества он не боится, он любит одиночество…

Изба родительская ещё крепка, печь натоплена жарко. Запас картошки, капусты и прочей овощи в подполье имеется. Даже телевизор у него есть. Но не хочется и смотреть-то. Чего он там не видел? Надоело… До весны будет один, в апреле соседи-дачники приедут. Да ещё Колька-скупщик на следующей неделе должен заехать, до большака-то придётся к нему на лыжах идти…

Опять завыл. Нет, не почудилось – вон, сучка в конуре на улице заскулила.

– Ничего, небось, не сунется!..

Волохов всё же поднялся. Сунул ноги в растоптанные валенки, накинул фуфайку, шапку на голову приткнул, вышел на мост, соединяющий избу с двором и поветью (он не стал по примеру многих соседей разбирать двор на дрова), спустился на крыльцо… Морозом перехватило дых…

Тишина, какой никогда не бывает в городе – полная тишина. В чёрном небе холодная россыпь звёзд и луна, разливающая свет на ночной мир – на тёмные дома деревеньки, белую равнину луга, зарастающего уже кустами, близкий чёрно-белый лес…

– Чуя! – негромко позвал Волохов.

Собака, брякнув цепью, лишь высунула из конуры нос. Он пошёл к ней по скрипкому снегу.

– Чуя, ко мне!

Собака, метнулась под ноги, засучила хвостом. Хорошая у него лайка, рабочая. Присел перед ней, взял руками голову, в глаза заглянул:

– Страшно тебе, страшно…

И собака заскулила, отвела глаза, поджала хвост.

– Ну, пошли…

Отстегнул цепь, впустил в дом. В избу не взял (нечего собаке в людском жилье делать), на мосту оставил. Вынес ей похлёбку из белок. И собака, погремев миской, утихла за дверью.

Распяленные шкурки белок сохнут у печки, ещё ворох уже выделанных висит на стене, тут же и несколько куньих шкурок благородным серебром отливают…

Ночь Волохов промаялся, утром, сразу зарядив один ствол пулей, а второй дробью, пошёл в лес.

Лыжи хорошо по старой лыжне скользят. Чуя бежит рядом, не работает... И понятно почему – вон, ровной строчкой, волчий след.

Волохов склонился над следом… Лапа ещё больше стала – сантиметров двенадцать в длину и девять в ширину. Это уже от старости, раньше-то он лапу в комке держал. Уже не матёрый, а дряхлый… "Нет, не может быть… Сорок лет. Сорок лет…".

Вот здесь он стоял, подняв морду на луну выл. "Что же тебе ещё надо от меня!? Чего хочешь? Собаку сожрать? Меня убить? Ну, попробуй…".

Никто не откликнулся на вой Серого в эту ночь, как и прошлую. Некому. Неделю назад всю стаю, всех четырнадцать, положили городские охотники в заречном лесу… Серый давно одиночка, но держался вблизи стаи, кормился тем, что оставляли ему сородичи. После того, как в позапрошлую зиму сохатый копытом пробил ему грудь, он уже вовсе не мог охотиться, обходился падалью, пробовал мышковать…

Вдоль следа Волохов прошёл в лес… Не сразу вспомнил и понял, что лес этот и есть та самая "большая выгорода", в которой в то давнее лето он пас стадо. Он резко свернул, ушёл от старого следа. Наст хорошо держал, шлось легко. Лишь через несколько километров Чуя облаяла белку, которую Волохов взял легко – глаз у него зоркий и рука крепкая. Потом и вторую белку взяли, и третью…

И вечером, сидя у печного огня, он думал о том, что, конечно, это не тот волк… Просто, крупный старый волчара остался без стаи…

Вспоминалось давнее. Был он тогда просто Мишкой. Жил тут, вот в этом доме, с матерью и старшей сестрой. Отца он почти не помнил, тот рано умер, так и не оправившись от фронтовых ран. Голодно жили, потом получше, но всё равно тяжело… Сестра уехала учиться в город и больше уже не вернулась в деревню, мать ломила на ферме. Он, как мог, помогал. Окончил среднюю школу и тоже пошёл в колхоз – разнорабочим. Было ему в то лето восемнадцать. Запил колхозный "гуртоправ" (так писалось почему-то в документах, а попросту – пастух). Вот его, Мишку Волохова, и нарядил председатель: тебе, мол, это дело знакомо. Пастух Матвей Иванович жил в соседнем доме и, бывало, брал Мишку с собой подпаском.

В те дни неподалёку встал табор. Давно уж не бывало цыган в их краях – появились… Как-то днём в выгороду, огороженный забором кусок леса, где паслось стадо, приехал на лошади цыган…

И договорились они… Хорошие деньги цыган предложил. Мишка не отказался. Мать из последних сил вкалывает, сестре в город отправляет – деньги, продукты. "Я всю жизнь в навозе, пусть хоть дочь по-человечьи поживёт", – говорит она. Мишке обидно – ему тоже хочется "по-человечьи". Но, нет, он не о себе, о матери думает (сам себя так уговаривал – помогу, мол, матери). А когда получил от цыгана деньги, так и не отдал ей, но и потратить не сумел, не придумал даже, на что потратить…

Так всё сделали цыгане, что все и поверили, будто двух коров волки задрали ("обглоданные" кости были тому подтверждением). Только удивлялись, что летом.

Устроили местные охотники облаву. Нашли в округе три логова. Мишка Волохов тоже в охоте участвовал – старая отцова одностволка в доме была. Он-то и выстрелил, когда метнулась из-под выворотня серая тень. Волчица с визгом закрутилась на траве, будто пытаясь укусить себя за хвост. И замерла.

В норе нашли четверых волчат…

Серый возвращался с охоты. В лесу было опасно. Запах человека (страшный для любого зверя) чувствовался везде. Уже несколько раз слышал Серый вдалеке гром выстрелов. Но надо было кормить волчицу и волчат – и своё волчье дело он совершил. Поймал и придавил зайца. В зубах нёс добычу к логову. И чем ближе – тем сильнее этот опасный человеческий запах. Он уже непереносим! И Серый ушёл бы, спрятался, если бы… Он оставил добычу в траве и осторожно пошёл к логову… Запах человека и запах крови, волчьей крови, оглушал.

Не было волчат, не было волчицы… Серый остался один.

Цыгана в райцентре на рынке с мясом взяли (всё-таки не поверил участковый и опытные охотники в волчье нападение). Цыган сразу и пастуха сдал, у которого купил колхозных коров. Дали Мишке Волохову пять лет.

С волками жить – по-волчьи выть: блатные волчьи повадки он крепко усвоил за те годы.

В ту зиму волки, собравшись в стаю, бродили вокруг деревни, сожрали почти всех дворняг. Люди опасались на лошадях за деревню ездить. Снова облаву устроили. Ушёл за флажки только матёрый вожак. С тех пор волков у деревни долго не видели.

Через пять лет Волохов вернулся домой (решил всё-таки с волчьей жизнью завязать). Снова в колхоз устроился. Зимой поехал к дальним стогам… Вилами стожок в розвальни перекидал, верёвкой стянул, сам сбоку приладился. Понукнул лошадку. Темнело уже, но дорога была хорошо известна и ему, и лошади. Волков давно в округе повывели…

Волохов знал, что нападают они стаями… Этот был один – огромный серый хищник. Выскочив откуда-то сбоку, сразу нырнул под лошадь. И она пала, и потроха, вывалившиеся на снег, дымились.

Волохов кинул в волка топор. Мимо. Взял наизготовку вилы. Волк стоял, смотрел безжалостными жёлтыми глазами. И вдруг закинул голову и завыл. Ему отозвались. И вскоре стая в десяток голов рвала на глазах Волохова мёртвую лошадь.

Он бежал по санной дороге двенадцать вёрст, оступаясь, падая, проваливаясь под наст… И в ушах стоял тот вой… И от боли и бессилия Волохов и сам выл…

Он уехал в город, там встретил лагерных приятелей, и закружила его опасная весёлая жизнь. Через год снова сел. Теперь уже на десять лет. От звонка до звонка отбыл.

Освободившись, в деревню уже не поехал (мать к тому времени умерла), но и с прежними друзьями-приятелями завязал. Первое время перебивался на разных работах – рыл канавы, разгружал вагоны. Не по нему это было. Но и работать на заводе, опять же "от звонка до звонка" – не хотел. Приятель позвал – и он устроился работать в пожарную охрану, сутки через трое. А в свободные от дежурств дни стал ездить на охоту. Каждый год брал лицензию на лося (да случалось и без лицензии добывать), зимой – заяц, белка, куница…

Не женился, хотя "подруги" были. "Я одинокий волчара", – сам о себе говорил. С сестрой не дружил, редко виделись. В деревне тоже очень редко бывал…

Но когда сестра решила дом продавать (дом на неё был записан), купил у неё (родной дом купил!). Захотелось поближе быть к лесу и охоте…

Весной приехал – вспахал и засадил огород, летом подладил дом, осенью окончательно переехал (впрочем, однокомнатное логово за собой в городе оставил). С покупателем пушнины он давно уже был знаком, знал, что на жизнь себе заработает…

И снова этот вой. И Волохов застонал-завыл – от одиночества, от понимания, что жизнь его мимо… Мимо счастья… Мимо любви…

Он схватил ружьё, сунул в карманы патроны с пулями, вставляя на ходу патроны в стволы, выбежал. Собаку не стал звать, один пошёл за ограду и сразу увидел его – в лунном свете, подняв морду, воет…

Волохов выстрелил, но волк даже не шевельнулся. "Ах ты… Ах ты…". Волохов подошёл ближе, прицелился, выстрелил… Волк вздрогнул, присел, но тут же поднялся и не быстро, прихрамывая, побежал к лесу. Волохов, вышвырнул горячие гильзы, вставил новые патроны и по насту пошёл за волком, по кровавому следу. Снова выстрелил, увидел, как опять упал волк. Но поднялся и, вскинув морду, снова завыл… Волохов провалился по пояс, не стал выбираться на твёрдое, встал на колени, плотно вдавил приклад в плечо, поймал на мушку лобастую волчью голову… Справа и слева обступали его неслышные серые тени…

Дикий сад

Я шёл вечером домой через старый одичавший сад, неизвестно когда и кем насаженный… В темноте разглядел мечущиеся фигуры, услышал вскрики, стоны. Подбежал и увидел: двое бьют одного, жестоко, насмерть. Я вмешался, и они перекинулись на меня. Пинали долго. Я лишь прикрывал руками голову. Наверное, они решили, что убили меня, ушли.

Я открыл глаза и увидел над собой отвратительную физиономию. Бродяга, увидев, что я очнулся, оскалился, показывая чёрные корешки вместо зубов, прохрипел:

– Что ты лезешь? Себя защитить не можешь, а лезешь.

Дикая сила подкинула меня, и я ударил. Он зажал лицо грязными ладонями и побежал, припадая на левую ногу.

Утром следующего дня узнал от соседей, что в саду нашли мёртвого человека со следами побоев. (Впрочем, позже говорили, что умер он не от побоев, а от переохлаждения, замёрз.)

И никакой жалости, тем более раскаяния, я не чувствую. Что мне дела до какого-то бомжа?

Но зачем он приходит? Приходит зачем?!

Открывает запертую дверь, садится в углу и смотрит. И я смотрю. Знаю, что мираж, и боюсь встать, пройти в тот угол и убедиться, что это лишь тень от растущего за окном дерева… я чётко вижу его насмешливые глаза.

…В соседнем доме покончил с собой молодой парень, говорят, от несчастной любви.

Я думаю, как он решился? Ходил, обдумывал, искал верёвку, место, где её привязать, потом ещё петлю надо сделать, на шею надеть… И всё это понимая, что сейчас будет боль и смерть… И даже страх не остановил его…

А меня, что может остановить? Страх? Страх страха, боязнь боязни быть свободным. Страх покаяния! Смогу ли уже оттуда, с той стороны взглянуть в свою жизнь? А?.. Все эти художественные догадки, все эти, опять же художественные, попытки рассказать, как душа уже оттуда сюда видит – это всё догадки и попытки, не более… А попробуй-ка здесь и сейчас, честно, шаг за шагом, кадр за кадром, проглядеть свою жизнь… Вот и оговорился, ошибся – "проглядеть". И ведь прогляжу, то есть забуду. "Как бы забуду" Ага! Ведь и такое есть, в чём не то что исповедаться, о чём и вспомнить-то нельзя… Нет – можно. И нужно! Честно, шаг за шагом. Здесь и сейчас. Чтобы, может быть, не было мучительно больно там. "Не бойся", – говорю сам себе... Этот взгляд с иконы – он ведь оттуда!

…Сегодня мне снился дикий сад. Сад, в котором я играл в детстве, в котором лежал на мягкой душистой траве с раскрытой книгой в руках, сад, в котором я молился. В том саду росли корявые яблони, родящие мелкие кислые плоды, кусты сирени, шиповника, берёза с чёрным страшным дуплом…

Во сне ветви яблонь клонились под тяжестью медово-прозрачных плодов. Травы ласково стелились под ноги, птицы щебетали в листве. Я подошёл к старой берёзе и увидел того бродягу. Я испугался, но, понимая, что это сон, спросил его:

– Ты кто?

Он усмехнулся:

– Садовник. – И протянул мне яблоко.